

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Шатько
Елена Геннадьевна

Белорусская академия музыки (1990), аспирантура БАМ (2011).

Аннотация. В статье раскрывается звуковая символика колокола — богослужебного инструмента храма, предмета обета Богу, рассматривается богословско-философское понимание колокольного звона, анализируются возникающие во время звучания ассоциации прихожан и священнослужителей.

Введение. Колокольные звоны — это важнейший, уникальный, художественно своеобразный вид искусства, занимающий свое достойное место в национальном наследии отечественной культуры. Музыкальные богослужебные инструменты кампаны, покрывая звуком пространство каждого прихода Беларуси, выполняли важную коммуникативную функцию, объединяя и сплачивая народ в его помыслах, и в целом священной Соборности единой православной церкви. Органичное включение звонов в христианское богослужение стало решающим фактором их распространения и развития.

Важнейшей задачей изучения белорусской музыкальной культуры является осмысление национального духовного наследия. В этой связи необычайно значимыми становятся исследования, по ряду объективных обстоятельств не попавшие в поле зрения кампанологов. Несмотря на то, что колокол и колокольный звон с древнейших времен являются неотъемлемой частью православного богослужения, вопрос их значимости мало обсуждался исследователями, а белорусскими — не ставился.

Некоторые зарубежные и русские деятели церкви обращали внимание общественности на необходимость «посмотреть на колокол с духовной стороны как на <...> религиозный предмет» [22, с. 9], указывали, что «...между колоколами и душой каждого коренного жителя существует исконная связь <...> вслушиваясь в звучащую атмосферу

города, можно почувствовать его душу, выражающуюся в звонах» [12, с. 63]. В 1930 г. известный русский богослов В. Н. Ильин определял колокольный звон как символ церковной духовности. Он писал: «Холодный металл, отлитый по правилам искусства, прорезывая своими колебаниями слои воздуха, отзывается в человеческом сердце высокими, чистыми голосами... — духовно согревая его» [6, с. 18]. Российский академик Ю. Н. Рагс считает, что наиболее сложный уровень интерпретации акустических данных о колокольных звонах — духовный <...> «Здесь нет ... методов, алгоритмов решения задач. Есть высший смысл деятельности, есть смысл самой жизни... Без нужного состояния духа изучение колокольного звона не состоится» [15, с. 118].

Государственная принадлежность западной части современной Беларуси Польше в 1921—1939 гг. стала основным фактором наибольшей сохранности колоколов и традиции звона в данном регионе по сравнению с сопредельными восточными областями, вошедшими в состав СССР. Территории современных Гродненской, Брестской, части Витебской и Минской областей — исторической Западной Беларуси — очертили географический ареал данной статьи. Попытка изучения колокола и колокольного звона как феномена духовной культуры Православной церкви Западной Беларуси предпринимается нами впервые. Материалом для специального исследования послужили высказывания прихожан и церковнослужителей, записанные нами в экспедициях 2003 — 2011 годов. По благословению Митрополита Минского и Слуцкого Патриаршего Экзарха всея Беларуси Филарета нами обследовано 3 благочиния Минской епархии, 13 — Гродненской, 10 — Брестской, 5 — Витебской, итого 212 православных храма территории Беларуси с 1921 по 1939 гг. входившей в состав Польши.

Цель статьи — раскрыть значимость колоколов и колокольного звона в духовной жизни Православной церкви Западной Беларуси.

Специфика духовного в колокольном звоне выявляет себя в его звучании, производимом звонарем. Понять и осознать звуковую символику колокола как живого, эмоционально наполненного явления православной культуры можно только при изучении его в контексте всей духовной жизни народа.

В Православном храме освящаются все предметы, имеющие отношение к богослужению, — сам храм, колокола, престол, иконы, свечи, кадила, церковные облачения и др. Именно после «принятия крещения» колокол становился принадлежностью храма. В молитвах «Чина благословения кампана» [19, с. 22] (т. е. колокола), установленных Православной церковью, освящаемому колоколу испрашивается Божие благословение и сила для того, чтобы слышавшие его днем или ночью возбуждались к славословию имени Божия и собирались в церковь; чтобы самый звон колокола воздавал славу Богу; чтобы звоном колокола освящался воздух и прогонялись из него все вредоносные силы; чтобы этим звоном утишались и прекращались бури ветряные, грады же, и вихри, и громы страшные, и молнии; чтобы, наконец, слыша его, верные рабы Божии укреплялись в благочестии и вере и мужественно противостояли «все дьявольским наветам», побеждая их молитвой и славословием. «Чин благословения кампана» можно сравнить с таинством крещения людей в церкви. В обоих случаях читаются молитвы о призывании Святого Духа, и колокол как живой становится членом Соборной церкви. Далее его трижды кропят святой водой, помазывают елеем, кадят кадилом извне и внутри. В заключении церковный хор поет: «...Господи, ныне же вся посредственное действуя гласом звона сего освященного, всякое уныние с ленивством от сердец верных твоих отженити, страх же твой в них с благочестием вкорени и спешных на молитву, скорых же ко всякому благому делу твоею силою сотвори, избавляя нас от всех наветов вражиих, и невредных от злорастворенных воздухов за-

ветрения соблюдая молитвами Богородицы и всех святых Твоих яко един милосерд» [19]. После «Чина...» верующие молитвенно прикладываются к колоколу, как и к другим церковным святыням.

В сознании прихожан колокол свят. Он ассоциируется с живым существом, а названия частей воспринимаются, как части тела человека: «уши», «язык», «сердце». Понятие «сердце» получает особый метафорический оттенок. Создается впечатление, что сам колокол владеет таким человеческим качеством — возможностью откликаться сердцем на радость, жизненные страдания. Сравнение несет глубокий смысл, если учитывать функциональное значение сердца для человека. Подобием сердца и языка, человека и колокола становится звук или просто удар: сердце — голос души, язык — голос сердца. Антропоморфные черты колокола подчеркиваются в загадках: «С ушами и языком, а ничего не слышит и не понимает?» В данном примере уши и язык воспринимаются как что-то необходимое для разума, а последний — отличительная особенность человека.

Обращение к колоколам как к антропоморфным существам в первую очередь фиксируется среди звонарей, без участия которых звучание колоколов в Православном храме невозможно. Так, звонарь храма д. Порплище Докшицкого района Витебской области убежден, что «колокола должны слушаться звонаря, они как живые, я понимаю их, а они меня слушают»¹. Большинство из них характеризуют кампан такими словами: «поет», «говорит», «плачет». Церковнослужители выделяют колокол из общего инструментария: «это духовный инструмент, это голос церкви, призывающий на молитву»²; «Это духовное оружие христиан в борьбе с врагом рода человеческого. Смотрите, загремел гром — человек перекрестился. Почему? Бойтися природы. Зазвонил колокол — перекрестился. Господь призывает. Звон — это сила, украше-

ние церковное, это божественный инструмент»³; «Его нельзя сравнить ни с одним инструментом на свете! Это моя жизнь, я люблю Бога, люблю звон, люблю славить Бога, это великая радость!»⁴; «В звучании колоколов — наша духовная радость»⁵, которую «не получаешь при игре на обыкновенном музыкальном инструменте»⁶; «Это особый музыкальный инструмент. От звона особая Божья Благодать, человек преобразается»⁷. Это же отмечал в начале XX в. известный московский звонарь К. Сараджев: «Колокол стоит совершенно отдельно от всех музыкальных инструментов.. такие звуковые сочетания, такие гармонии, такие мелодии извлекаются, какие совершенно не мыслимы быть осуществленными на каком-либо другом инструменте» [16, с. 222]. Объяснить такое отношение к колоколу можно только присутствием в нем после освящения Святого Духа, он же помогает и звонарю воспроизводить звон.

Отношение к колоколам как к одушевленным раритетам отмечается и священнослужителями. Настоятель храма преп. Марии Египетской г. Вилейки считает, что удары языка колокола — это «стук нашего сердца»⁸. Особые чувства вызывали колокола, когда звонили, но расставание с ними отзывалось скорбью в сердцах прихожан. «Колокол бросили на землю, и он наполовину вошел в нее», — вспоминает про события изъятия колоколов немцами в 1942 г. протоиерей Г. С. Сапун, — «От удара задрожала земля, и сердце мое дрогнуло»⁹. Протоиерей Иоанн Кронштадтский писал, что «колокол — пастырская свирель, созывающая словесных овец во двор овчий — в церковь, на духовную пажить молитвы и слова Божия, и труба — бранная, напоминающая о духовной брани и готовности к ней каждый день, чтобы мы стояли всегда в духовном всеоружии» [9, с. 195]. Нами зафиксированы примеры, когда к Пасхе, самому главному празднику, православные наряжали колокола разноцветными лентами, специально мыли и натирали их до блеска.

Как утверждают теологи, человек не может познавать Бога непосредственно, а только благодаря Божественным энергиям, которые излучает естество Божие. Колокол — необходимое условие самой возможности Боговедения и Богообщения. Божественная энергия, проявляющаяся через колокол и его звучание, нисходит к человеку. Сакральный символ — звучащий колокол является важнейшим атрибутом христианства. В нем аккумулируются базовые культурные ценности конкретных эпох. «Чистый, ангельский голос колокола [возвещает] о вожделенном небесном отечестве, о граде Божием» [4, с. 24].

Колокольный звон открывает перед верующими, входящими в храм, границы невидимого мира. Он помогает преодолеть не только пространство, но и время, делая каждого человека свидетелем событий Священной истории, житий святых, времен минувших. Звон приобщает человека, молящегося в храме и находящегося вне его, к тому миру, который недоступен для обыденного зрения и открывается духовным очам веры. По мнению епископа Александра (Семенова-Тян-Шанского), «благодаря храму и совершаемому в нем богослужению душа учится откликаться на Божественную истину и красоту всеми своими струнами, а священные символы становятся для нее духовной действительностью, преимущественно через наше участие в святых Таинствах» [цит. по: 10, с. 102]. Таким образом, колокольный звон вместе с другими видами храмовых искусств раскрывает перед человеком сакральный смысл его пребывания в Божьем мире.

Человек должен достигнуть определенного молитвенного уровня, чтобы положительно воспринимать звучание колоколов. «Колокольный звон ... это символ, звуки, наполненные глубочайшим духовным содержанием, глубочайшим духовным смыслом, который не передашь словами» [17, с. 128]. Нынешний прагматически ориентированный

мир нередко глух к колокольному звону, и он душе ничего не сообщает. Как и любой символический язык, звук колокола «непоятен сытой плоти, недоступен сердцу, полному мечтой о материальном благополучии. Но он становится жизнью, когда рушится эта мечта у людей, разверзается бездна под ногами» [цит. по: 4, с. 107]. Святой Иоанн Кронштадтский писал: «Для чего посты, великопостные богослужения, поклоны, покаяние, редкий и ранний звон? Чтобы привести человека в сознание и чувство своих грехов, что он удален от Бога, — и находится в опасности погибнуть, чтобы разрушить преграду греха и соединить человека с Богом, чтобы очистить его сердце от греха и чтобы он узрел Бога» [8, с. 83].

В Беларуси в большинстве случаев при звучании самого большого колокола в сельских храмах говорят: «звон на сбор», т. е. у прихожан возникают ассоциации с сигналом. «Звон — это Бог зовет на службу, чтобы люди собирались и приходили в храм. Это звук Всевышнего, он зовет: “Приходите в храм, бросайте всю мирскую суету, она временная, мы ведь должны уйти отсюда”»¹⁰. «Колокольный звон — это жизнь для нас, чувствуешь, что пора идти в храм, зовет Господь в Дом свой»¹¹. Многие верующие убеждены в том, что звучание колокола связано с потусторонним миром, с небом. «Звон дает звуки людям и на небо ангелам. Это все Божье, даже на душе легче и так хорошо, легко. Как зазвонят звоны, так и умершие души их слушают. У моего соседа сын-звонарь во сне увидел отца, который обратился к нему со словами: “Сынок, ты в церкви звонишь, а я выхожу слушать звоны”»¹²; «Я чувствую, что наш звон слышат в небесной церкви ангель»¹³. Певчие церкви д. Стригинь Березовского района Брестской области исполнили одну из песен, в тексте которой поется «звон церковный зовет в небо, а звоном тем Бог звонит сам»¹⁴.

«Возмущается чистота его (человека. — Е. Ш.) по причине мятущегося движения

образов, которые входят через чувства — зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния и через слово» [1, с. 21] — писал Антоний Великий. Звучащий колокол разумно управляет нашими чувствами, через которые входят в душу человека соблазны, он «настраивает» на богослужение прихожан и духовенство. Прихожанка храма д. Новый двор Пинского района Брестской области говорит о том, что «если зазвонит колокол, то это святое, все бросали и бегом в церковь»¹⁵; «Мой свекор в шесть часов вечера как зазвонит в субботу в один звон, а потом “во вся”, и мы знали, что идет святое воскресенье, — бросали всю работу»¹⁶.

Верующие считают, что звучание колоколов — это «красота, украшение церкви», без него — «неполнота литургии», он помогает в молитве; служба без звона, «как свадьба без музыки»¹⁷; «когда в деревне нет звона, так и служба и праздник не так чувствуются»¹⁸. С. Ф. Комисарук из д. Хабовичи полагает, что «колокольный звон, как и пение церковное, — такое звучание, которое разносится по телу, такое благоухание, что даже высказать нельзя, состояние души такое возвышенное, комок к горлу подступает. Хочется плакать от этого всего от радости»¹⁹. Студент духовной семинарии сообщил: «Священник моего прихода говорит: “Если нет звона на Еucharистическом каноне — тяжело служить, чего-то не хватает. Это соединение земной и небесной церкви”»²⁰. Многие молодые люди «признаются, что пришли в церковь по зову колокольного звона — он будит душу человека»²¹.

Звучание колокольного звона, воздействуя эмоционально и психологически на верующих, побуждает их к молитве и крестному знаменю. Прихожане нередко говорят: «Услышишь колокольный звон, скорее перекрестишься и стоишь, дрожь по коже, душа радуется»²²; «Звон — это подлинное дыхание нашего храма души! Идешь в храм, услышал мерные удары большого колокола — и сразу же в душе зазвучит

молитва»²³. Многие из прихожан с детства знают, что «услышав колокола, хоть за два километра, положи на себя крест, без этого нельзя»²⁴. Е. К. Манулик сообщила, что несмотря на то, что сейчас уже не может дойти в церковь, «как раздастся церковный звон, она молится, крестится и плачет»²⁵.

Человек нуждается в пище не только для тела, но и для души. Колокольный звон вызывал чувства покаяния и умиления, скорби или духовного подъема, укреплял веру в человеке. Н. А. Шпакевич из д. Цицино добавляет, «звон для нас — это торжество, это радость и утешение»²⁶. Для О. И. Скритченко из г. Малориты звучание колоколов на земле — это «райское пение на небе»²⁷.

С детских лет жители запоминали звучание «своих» колоколов. Их звук оставался в эхоистической (слуховой) памяти людей на многие годы. Не случайно в момент удара колокола происходит активизация ассоциаций. «Человеческая психика изначально “озвучена”, ориентирована на звук как важнейший фактор действительности, заставляющий реагировать на звучащую окружающую среду эмоционально и молниеносно, минуя осознанный интеллект» [3, с. 98]. По воспоминаниям священника П. Будды, «большой чугунный колокол (он сейчас висит на колокольне. — Е. Ш.) принадлежал кирхе, которая была взорвана в первые часы войны 1941 г. Колокол чудом уцелел. В 2001 г. приезжал профессор из Германии, записали на видеокамеру его звук, фотографировали, потом прислали письмо, что соотечественники плакали, когда услышали звук своего детства»²⁸. Данный пример показывает, что через звучание колокола информанты физически ощутили связь с прошлым.

Главным достоинством звучащего колокольного звона в каждой церкви служила его «правильность», узнаваемость, следование данному в этом приходе образцу. Даже если колокольные наборы местных церквей

не всегда были в хорошей сохранности (по моему мнению), прихожане все равно восхищались их звучанием. Так, митрофорный протоиерей Н. Давидюк охарактеризовал «свои» колокола как «мелодичные, с красивым звуком», и добавил, что «красивее, чем у нас, мне не приходилось слышать нигде»²⁹. «Душа лежит к нашим звонам, старые звоны звонят более задумчиво, покайно, у некоторых новых такого звука нет»³⁰; — подтвердил настоятель храма Св. Троицы Николай Пешко.

Звуки колокольного звона верующие воспринимают по-разному. Для одних — это поговорка: «Кто Бога любит, пусть идет в храм!»³¹; «Любишь Бога — ходи в храм»³² для других — молитва «Господи, помилуй»³³. Для третьих — звуковая информация: «Прошла наша красота, нет такой радости колокольного звона сейчас! Мы по звону понимали, что происходит в деревне. Без колокольного звона нет красоты!»³⁴. Регенты слышали в «своих» колоколах голоса церковного хора. Так, псаломщик С. П. Личевский из д. Городная Столинского района Брестской области говорит: «Наши колокола звали — бас, альт, а третий и четвертый — как в хоре дисканты. И строй у них такой же — фа, ля, до, как хор поет»³⁵.

Звонари же слышат в нем мелодию и даже песню, «и она воздействует на человека»³⁶. Для одних он — живой голос, для других — распевные мелодичные песни и даже кровные родственники: «Наши колокола пели, у каждого свой голос, а на покойника — причитали: «Жил — был — нет (умер. — Е. Ш.)»»³⁷. «Если тихая погода, то доносятся до нас звоны деревни Турець. Старики-прихожане выходят на улицу послушать их пение. У каждого свой голос, но в них и молитва»³⁸. «Звон — это сама красота в церкви! Если бы я не любил колокола, то не звонил бы и не прятал бы их! Ведь они, как мои дочь и сын, — это кровь наших предков! Когда снимал я колокола от немцев, то говорил: «Вы нам еще по-

чете!»». Звоны — это песни, да еще какие! Так и не запоешь, как они»³⁹. «Я привыкла к нашим колоколам, как к своей семье»⁴⁰ — говорит певчая храма д. Доропеевичи Н. Г. Ярмонюк. У части прихожан звучание колоколов ассоциируется с музыкой. «Колокольный звон органически вошел в службу во Славу Божию. Колокола — это тоже музыка»⁴¹. «Если где-то услышу звон, то прислушиваюсь, как звонят, какие идут импровизации, колокола — это музыка, ведь весь колокольный звон построен на импровизации»⁴².

Колокольный звон вселял в прихожан уверенность, что Бог близко и слышит молитву, готов прийти на помощь. Поэтому колокол, который висел высоко и был слышен далеко, может просить о прощении грехов умерших и даровании долголетия здравствующим, ибо каждый удар языка — это молитва к Всевышнему. Именно поэтому на многих инструментах имеются выгравированные или выцарапанные надписи: «О упокоении Алексея Герасима о здравии Ксении»⁴³; «Пожертвован в Комотовскую церковь Августином и Фадеем Курпиковыми за упокой всех их сродников...»⁴⁴ и др.

Рельеф окружающей среды и близлежащих строений мог улучшать продолжительность распространения звука. Поэтому церкви и колокольни в Беларуси старались строить на возвышенностях, на берегу рек и озер и при хорошей погоде звук распространялся на дальнем расстоянии. В звучании больших колоколов верующие выделяют длительность. «Он, как музыка певучая, долго тянется, как душа поет»⁴⁵; «Что там, в Черняхах (соседней деревне. — Е. Ш.) звонят — в рельсу бам, и все... А тут озеро, вы знаете, где их слышно?»⁴⁶. Кроме этого прихожане ценят в больших колоколах громкость: «позвонить бы погромче, чтобы больше людей пришло»⁴⁷, тембр (бархатный, мягкий): «У старых колоколов звук был бархатный, церковный, там была душа, а у этих новых — (недавно приобретенных. — Е. Ш.) звук

простейшей железяки»⁴⁸. В малых — звонкость («звоны наши звонкие»⁴⁹).

«Согласно 58-му Апостольскому Правилу и 68-му Правилу VI Вселенского Собора, провозносить поучения в Православной церкви во время богослужения могут только те, на ком лежит благодать священства (епископы, священники), так как при совершении таинства рукоположения в сан для них испрашивается особый дар — духовная «благодать учительства» [11, с. 246]. Колокол и его звоны, как и церковнослужитель, также обладают даром Слова. Согласно Дюран Гильому, «твердость металла (колокола. — Е. Ш.) означает силу проповедника; удар языком о края выражает ту мысль, что проповедник должен бичевать себя сам, чтобы исправить свои собственные пороки, прежде чем упрекать других за грех» [цит. по: 13, с. 56]. Древний знаток литургии Фортунат Амалер писал: «тело колокола означает уста проповедника, а удары их — язык его» [цит. по: 13, с. 56].

Это мнение поддерживают и церковнослужители нашего времени. «Более оригинальной миссионерской деятельности, подобной колокольному звону, еще никто не придумал. Нас, православных, иногда обвиняют в том, что мы мало говорим проповедей, но проповедь не всегда словесная, она может касаться фибров души, как апостол Павел говорит. Когда же звучит колокольный звон, то ни один человек не может остаться равнодушным, он может лишь протестовать, что громко или долго звонят»⁵⁰.

Сравнивая звучание колоколов со Словом Божиим, о том же говорит и настоятель храма в г. Вилейке: «Вот идет человек в храм, услышал звон, крестным знаменем осеняет себя — и как-то совсем другое настроение у него появляется, ведь услышал Слово Божие»⁵¹. В высказываниях церковнослужителей нередко звучит мысль и о тесной взаимосвязи звона с проповедью. «Звук колокола — это

призыв к покаянию, который доносит до нас историю праздника или события, это своеобразная проповедь, но не словом, а звуком»⁵²; «В их звуке — напоминание нам о смертном часе и одновременно необычайный ритм, побуждающий к жизни»⁵³; «Звон пробуждает нашу совесть, он призывает, увещевает, обличает человека за непослушание Богу. Человек на поле не услышит священника из церкви, но услышит колокольный звон»⁵⁴. Для польского исследователя Я. Бальверчака «звук.. колоколов — это тоже благовестие о богослужении... с этой точки зрения колокольный звон для храма и прихода подобен тому, чем является для всей вселенной Евангелие» [22, с. 9]. «Церковь храмом и Богослужением действует на всего человека, воспитывает его всецело: действует на его зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, на воображение, на чувства, на ум и волю благолепием икон и всего храма, звоном.. кадилым фимиамом, лобзанием евангелия, креста и святых икон, просфорами, пением и сладкозвучным чтением писаний» [8, с. 193].

Таким образом, колокольный звон, существуя в неразрывном единстве с церковным богослужением, выполняет звуком ту же функцию, что «евангелие словом» [цит. по: 10, с. 3], а живопись — красками. Следовательно, колокольный звон является одним из средств духовного познания мира, «богословием в звуке», «умозрением в звуке» [20, с. 278], которое в сегодняшнем светлом мире звучит как проповедь, призыв к покаянию, напоминание о Горнем мире.

В годы официального запрета колокольного звона православное население сельских приходов создало песенную летопись о судьбах колоколов. Все они являются свидетельством того, что верующие воспринимали звук колокола как неотъемлемую часть своей жизни. Одна из песен «Священный звон» записана нами в д. Олекшицы Берестовицкого района Гродненской области:

«Звон священный, звон отрадней,
 Не слышно звона в небесах,
 Не слышно слово благодати, —
 Душа скорбит, глаза в слезах.

Стоит священный храм безгласый,
 Ужасно смотрит сиротой.
 Стыдись, стыдись ты, христианин,
 Все это сделано тобой.

Священный колокол стал мертвым,
 Поступок сбился роковой,
 И мир остался точно мертвый,
 Лежит в неволе гробовой»⁵⁵.

В песне колокол и звон имеют такие эпитеты, как безгласый, мертвый, т. е. молчание воспринималось трагично.

Особенно много таких песен звучало в храмах в 1970—1980-е гг. В них выражалась людская скорбь о том, что службы Божии «глухи и немь».

«Когда во дни священные
 Услышите церковный звон,
 То вспоминайте о Христе,
 Что сам зовет вас в церковь Он ...»⁵⁶.

По материалам экспедиций известно, что с конца XIX в. колокола часто становились предметом обета Богу. Как отмечает А. А. Панченко, «обет — это вполне нормативная и общедоступная (как для индивидуума, так и для коллектива) форма коммуникации с сакральным миром. Поэтому прибегают к ней достаточно часто. Однако роль обета не сводится к прагматическому преодолению кризиса. Можно сказать, что в определенном смысле жизненный кризис представляет собой психологически необходимое условие контакта с сакральным миром» [14, с. 239]. Протоиерей Г. Дьяченко в Полном церковно-славянском словаре объясняет это понятие, как просьбу, желание, молитву. «В обете выражается удовлетворение религиозного чувства людей, когда они посвящают себя или что-нибудь от себя Богу» [5, с. 372].

Во многих белорусских храмах появление колоколов было связано с индивидуальными (семейными) или групповыми обетами. Например, звонарь из д. Суринка Слонимского района Брестской области рассказал, что его покойный отец (1886 г. р.) пожертвовал в храм три колокола в связи с болезнью сына. «Брат родился здоровый в 1927 г., а потом через год заболел параличом, или, как врачи называли, английской болезнью. В 1929 г. родители дали обет пожертвовать в церковь за его здоровье три колокола и купили их. Они и сейчас сохранились, но один с трещиной. Ребенок сначала только лежал, потом стал ходить на четвереньках. Чудо, но постепенно брат поправился, к 12 годам он передвигался с одним костылем»⁵⁷.

Вычеканенная надпись на одном из колоколов православного храма д. Лебедово «Пожертвованный от Карпа, Марии и Анастасии Матусевичей в часовню деревни Мороськи 1869 г.» помогла нам найти потомков праправнучек — трех сестер Матусевич, сообщивших следующую историю. Их прапрадед был обыкновенным крестьянином. Трижды он женился, но все его жены очень быстро умирали. Как рассказывает Анна Яковлевна, «три жены он нес в дом через двери, а четвертую — через окно. Он дал обет, что если его четвертая молодая жена останется жить и родится первенец, то он построит на кладбище в деревне Мороськи часовню, пожертвует в нее колокол и икону св. Николая Чудотворца. Жена осталась жива, и после рождения дочери крестьянин выполнил обет»⁵⁸.

В ряде случаев обет выполняла группа верующих. Например, в 1930-е гг. в д. Саконщина Воложинского района Минской области случилась беда: «В деревне повально стали умирать невесты на выданье и молодые ребята — женихи. Бедовали родители, проливали слезы. Решили, что Господь наказывает прихожан за то, что церковные службы совершаются без колокольного звона. В 1915 г. колокола клад-

бищенской церкви были эвакуированы в Россию, вернуть их не удалось. На приходском собрании решили собрать пожертвования на два колокола: один большой, второй поменьше, и молить Бога о прощении грехов всех жителей. Верите, но после того, как в 1936 г. колокола привезли из польского города Венгров и освятили их, молодежь перестала умирать. А колокола наши мы сохранили до сего времени»⁵⁹.

В молитве перед исповедью священник обращается к верующим со словами: «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое... аще ли что скрыеши от мене, сугуб грех имаши. Внемли убо, понеже бо пришел еси во врачбницу, да не исцелен отыдеши» [18, с. 116], т. е. выздоровление души и тела христианина — это результат искреннего покаяния. Колокольный звон и сами освященные колокола являются одним из видов «небесных лекарств», ведущих к духовному и физическому совершенству, гармонии с окружающим миром. Среди православных существуют поверья, что если к языку колокола привязать косынку, а потом, после колокольного звона, надеть ее на голову, то головная боль быстро проходит, причем косынка так и остается освященной. И сегодня освященные колокола водружаются на звонницу с пучками привязанных женских косынок.

Вера в целительные и даже чудодейственные возможности колокольного звона подтверждает современная наука. Академик Ф. Я. Шипунов писал, что «все вирусные заболевания: гриппа, желтухи и т. д., в ультразвуковом диапазоне (звучащего колокольного звона. — Е. Ш.) гибнут. Тифозная палочка при колокольном звоне гибнет в течение нескольких секунд. А если вы в комнате повесите многоклавные колокола, то происходит стерилизация, белки свертываются в клетках вирусов, получают кристаллические структуры, которые не несут никакой заразы» [2]. Доктор физико-математических наук Н. Н. Гринчик до-

бавляет: «Считается, что информация передается генетически. На втором месте после смерти со времен Спарты было самое страшное наказание — изгнание с Родины. Тоска по Родине — это физически тяжело, по статистике, эмигранты живут на 8–10 лет меньше. Колокольный звон — это наши корни, это наше родно»⁶⁰.

Священник В. Ивашкевич из г. п. Мир убежден, что именно благодаря колокольному звону ему «не пришлось делать операцию»⁶¹. Другой церковнослужитель, бывший врач, также «испытал на себе целебные свойства колокольного звона, когда учился в Витебском духовном училище и ходил на курсы звонарей»⁶². Благотворное, оздоравливающее влияние звона отмечают звонари: «от колоколов что-то идет... как-то здоровее чувствую»⁶³; «так ходишь как трутень, а позвонишь — и душа возрадуется»⁶⁴.

События бурного политическими и историческими реалиями XX в. привели к безвозвратной частичной утере колоколов и традиции колокольного звона в Западной Беларуси. Еще в начале прошлого века иереей Троице-Сергиевой лавры М. В. Шик справедливо заметил: «Жаль в особенности, когда исчезают такие создания, не материализовавшиеся в вещественную оболочку, как пение и звон колокольный. Разрушенные здания оставят следы в фундаментах, которые через тысячелетия будут открыты или изучены археологами... но звук колокольный, прогудев, растает в воздухе, и эхо не повторит его через века» [21]. Это отмечено и известным этномузыкологом К. Квиткой: «произведения, созданные в условиях существования лишь устной передачи, погибают бесследно» [7, с. 8].

Таким образом, собранные полевые материалы позволяют говорить о весьма важном факте: колокола и колокольные звоны, будучи в коллективном сознании воплощением «гласа Божия», представляют исключительное явление не только для Православ-

ной церкви. Являясь духовно-сакральными объектами культуры, звуковыми символами «малой родины» они формировали «музыкальное сознание» белорусского этноса, объединенного одним вероисповедованием, имели огромную духовную значимость в церковной обрядовости и стали ментальным символом Западной Беларуси.

Литература:

1. Антоний Великий. Добротолюбие / Антоний Великий. — М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра. — 1992. — Т. 1. — 638 с.
2. Беседа с доктором биологических наук Ф. Я. Шипуновым 1986 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mona.gu/index.php?download/danger/Shipunov.htm>. — Дата доступа: 11.03.2011.
3. Бонфельд, М. Ш. Семантика музыкальной речи / М. Ш. Бонфельд // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / ред.-сост. М. Г. Арвановский. — М., 2009. — С. 82—141.
4. Дунаев, М. Сакральный смысл иконописания / М. Дунаев // Икона и образ, иконичность и словесность : сб. ст. / ред.-сост. В. В. Лепяхин. — М. : Паломник, 2007. — 366 с.
5. Дьяченко, Г. (прот.) Полный церковнославянский словарь / Прот. Г. Дьяченко. — Репринт. изд. 1900 г.. — М. : Изд. совет Моск. Патриархата, 1993. — 1120 с.
6. Ильин, В. И. Эстетический и богословско-литургический смысл колокольного звона / В. И. Ильин // Русское возрождение. Независимый русский православный национальный журнал. — Нью-Йорк ; Москва ; Париж. — 1998. — № 72. — С. 18—24.
7. Квитка, К. Избранные труды : в 2-х т. / К. Квитка. — М. : Сов. композитор. — 1973. — Т. 2. — 326 с.
8. Кронштадтский, И. (св.) Полное собрание сочинений : в 6 т. / Св. И. Кронштадтский. — СПб. : Тип. В. Ерофеева, 1893. — Т. 5. — 429 с.
9. Кронштадтский, И. (св.) Полное собрание сочинений : в 6 т. / Св. И. Кронштадтский. — СПб. : Тип. В. Ерофеева, 1893. — Т. 3. — 352 с.
10. Лепяхин, В. Значение и предназначение иконы / В. Лепяхин. — М. : Паломник, 2003. — 511 с.
11. Лепяхин, В. Икона и иконичность / В. Лепяхин. — СПб. : Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002. — 397 с.
12. Лимановский, М. Колокола / М. Лимановский // Петербургская музыкальная полонистика / сост. И. В. Мациевский. — СПб. : РИИИ, 2003. — Вып. 3. — С. 50—63.
13. Оловянишников, Н. И. История колоколов и колоколомитейное производство / Н. И. Оловянишников. — М. : Товарищество П. И. Оловянишникова сыновей, 1912. — 435 с.
14. Панченко, А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Западного края / А. А. Панченко. — СПб. : Алетейя, 1998. — 305 с.
15. Рагс, Ю. Н. Методологические вопросы акустического анализа колокольного звона / Ю. Н. Рагс // Музыка колоколов : сб. исследований и материалов. — Вып. 2. — СПб. : РИИИ, 1999. — С. 118—125. — (Серия «Традиционная инструментальная музыка Европы и Азии» / отв. ред. и сост. А. Б. Никаноров).
16. Сараджев, К. К. Колокол / К. К. Сараджев // Музыка колоколов : сб. исследований и материалов. — Вып. 2. — СПб. : РИИИ, 1999. — С. 222—227. — (Серия «Традиционная инструментальная музыка Европы и Азии» / отв. ред. и сост. А. Б. Никаноров).

17. Свиридов, Г. Музыка как судьба / Г. Свиридов ; сост. А. С. Белоненко. — М. : Молодая гвардия, 2002. — 798 с.

18. Трещник. — М. : Сретенский монастырь, 2001. — 653 с.

19. Чин благословения кампана // Колокольные звоны : практ. руководство для правосл. звонарей. — М., 1997. — С. 7—23.

20. Шатов, А. И. О колоколах для церковного звона / А. И. Шатов // Колокола. История и современность / сост. Ю. В. Пухначев. — М., 1993. — С. 278—282.

21. Шик, М. В. Колокольни и колокола / М. В. Шик. — М. : Троице-Сергиева Лавра. Сергиев Посад, 1919. — С. 155—158.

22. Balwierzak, J. Dzwony jako przedmiot sztuki Kocienej / J. Balwierzak. — Kraków : Druk W. Larczyca i Splyki, 1887. — 45 s.

Summary. The article reveals a sound symbol of the bell — a sacral church instrument, a thing of promise to God, considers theological-and-philosophical treatment of bell sound, analyses associations of believers and priests that arise during the bell chime.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зап. Е. Г. Шатько (и далее) в 2006 г. от Ю. М. Гапаненка, 1927 г. р., в д. Порплище Докшицкого р-на Витебской обл.

² Зап. в 2006 г. от П. В. Дремлева, 1951 г. р., в д. Хожево Молодечненского р-на Минской обл.

³ Зап. в 2006 г. от иерея В. Никончука, 1970 г. р., в д. Рухча Столинского р-на Брестской обл.

⁴ Зап. в 2006 г. от звонаря В. М. Муренко, 1946 г. р., в г. п. Вилейка Минской обл.

⁵ Зап. в 2006 г. от О. А. Агиевич, 1939 г. р., в д. Рубель Столинского р-на Брестской обл.

⁶ Зап. в 2007 г. от И. А. Редька, 1927 г. р., в г. Новогрудок Гродненской обл.

⁷ Зап. в 2007 г. от Н. С. Грицкевича, 1952 г. р., в д. Кожан-Городок Лунинецкого р-на Брестской обл.

⁸ Зап. в 2007 г. от протоиерея С. Матюха, 1932 г. р., в г. Вилейка Минской обл.

⁹ Зап. в 2006 г. от протоиерея Г. С. Сапуна, 1922 г. р., в д. Почапovo Барановичского р-на Брестской обл.

¹⁰ Зап. 2006 г. от схимонахини Варвары Глуховой, 1937 г. р., в г. Гродно.

¹¹ Зап. в 2006 г. от О. Е. Михайловой, 1927 г. р., в г. Гродно.

¹² Зап. в 2006 г. от О. Ф. Кирисюк, 1926 г. р., в д. Хабовичи Кобринского р-на Брестской обл.

¹³ Зап. в 2007 г. от А. А. Красовского, 1931 г. р., в д. Местковичи Пинского р-на Брестской обл.

¹⁴ Зап. в 2007 г. от Н. А. Бык, 1932 г. р., Е. В. Мшар, 1924 г. р., М. В. Василевич, 1928 г. р., в д. Стригинь Березовского р-на Брестской обл.

¹⁵ Зап. в 2006 г. от Н. П. Ботвич, 1923 г. р., в д. Новый Двор Пинского р-на Брестской обл.

¹⁶ Зап. в 2006 г. от Е. П. Богши, 1924 г. р., в д. Вуйвичи Пинского р-на Брестской обл.

¹⁷ Зап. в 2007 г. от прот. А. Полешко, 1922 г. р., в д. Городная Столинского р-на Брестской обл.

¹⁸ Зап. в 2007 г. от Г. И. Даркович, 1945 г. р., в д. Прилуки Брестского р-на Брестской обл.

¹⁹ Зап. в 2006 г. от С. Ф. Комисарук, 1939 г. р., в д. Хабовичи Кобринского р-на Брестской обл.

- ²⁰ Зап. в 2008 г. от И. П. Лященко, 1976 г. р., в д. Жировичи Слонимского р-на Гродненской обл.
- ²¹ Зап. в 2006 г. от иерея О. Богданца, 1970 г. р., в д. Стрельно Ивановского р-на Брестской обл.
- ²² Зап. в 2006 г. от О. Е. Михайловой, 1927 г. р., в г. Гродно.
- ²³ Зап. в 2006 г. от М. И. Адамина, 1946 г. р., в д. Поречье Гродненского р-на Гродненской обл.
- ²⁴ Зап. в 2006 г. от Н. А. Шемет, 1920 г. р., в д. Бакшты Ивьевского р-на Гродненской обл.
- ²⁵ Зап. в 2006 г. от Е. К. Манулик, 1918 г. р., в г. Коссово Брестской обл.
- ²⁶ Зап. в 2008 г. от Н. А. Шпакович, 1922 г. р., в д. Цицино Сморгонского р-на Гродненской обл.
- ²⁷ Зап. в 2008 г. от О. И. Скритченко, 1931 г. р., в г. Малорита Брестской обл.
- ²⁸ Зап. в 2008 г. от иерея П. Будды, 1958 г. р., в г. п. Домачево Брестского р-на Брестской обл.
- ²⁹ Зап. в 2007 г. от митрофорного протоиерея Н. Давидюка, 1929 г. р., в д. Новоселки Кобринского р-на Брестской обл.
- ³⁰ Зап. в 2008 г. от иерея Н. Пешко, 1968 г. р., из д. Марково Молодечненского р-на Минской обл.
- ³¹ Зап. в 2006 г. от М. П. Мордань, 1926 г. р., в г. Пружаны Брестской обл.
- ³² Зап. в 2006 г. от А. Р. Самосюк, 1930 г. р., в д. Сухополь Пружанского р-на Брестской обл.
- ³³ Зап. в 2006 г. от Е. П. Богши, 1924 г. р., в д. Вуйвичи Пинского р-на Брестской обл.
- ³⁴ Зап. в 2006 г. от Р. М. Александрович, 1925 г. р., в д. Илья Вилейского р-на Минской обл.
- ³⁵ Зап. в 2006 г. от С. П. Личевского, 1920 г. р., в д. Городная Столинского р-на Брестской обл.
- ³⁶ Зап. в 2007 г. от С. А. Клебановича, 1931 г. р., в д. Черняны Малоритского р-на Брестской обл.
- ³⁷ Зап. в 2007 г. от О. А. Лапицкой, 1917 г. р., в г. Минск, дочери иерея церкви д. Косу-та Вилейского р-на Минской обл.
- ³⁸ Зап. в 2008 г. от А. М. Бусько, 1930 г. р., в д. Малое Обрино Кореличского р-на Гродненской обл.
- ³⁹ Зап. в 2007 г. от В. В. Корделюка, 1923 г. р., в д. Луково Малоритского р-на Брестской обл.
- ⁴⁰ Зап. в 2008 г. от Н. Г. Ярмонюк, 1925 г. р., в д. Доропеевичи Малоритского р-на Брестской обл.
- ⁴¹ Зап. в 2006 г. от протоиерея Г. С. Сапуна, 1922 г. р., в д. Почапово Барановичского р-на Брестской обл.
- ⁴² Зап. в 2006 г. от Г. Г. Цибулько-Цветницкого, 1949 г. р., в г. Гродно.
- ⁴³ Надпись на колоколе храма Св. Марфы в г. Гродно.
- ⁴⁴ Надпись на колоколе храма д. Комотово Гродненского р-на Гродненской обл.
- ⁴⁵ Зап. в 2006 г. от Д. Д. Климука, 1930 г. р., в д. Болота Кобринского р-на Брестской обл.
- ⁴⁶ Зап. в 2007 г. от В. В. Корделюка, 1923 г. р., в д. Луково Малоритского р-на Брестской обл.

- ⁴⁷ Зап. в 2006 г. от Е. М. Каскевич, 1924 г. р., в д. Новый Двор Свислочского р-на Гродненской обл.
- ⁴⁸ Зап. в 2006 г. от митрофорного протоиерея Е. Парфенюка, 1921 г. р., в г. Брест.
- ⁴⁹ Зап. в 2006 г. от М. П. Мордань, 1926 г. р., в г. Пружаны Брестской обл.
- ⁵⁰ Зап. в 2007 г. от игумена Свято-Никольского мужского монастыря С. Мажуко, 1976 г. р., в г. Гомель.
- ⁵¹ Зап. в 2007 г. от протоиерея С. Матюха, 1932 г. р., в г. Вилейка Минской обл.
- ⁵² Зап. в 2006 г. от Л. Р. Самосюк, 1930 г. р., в д. Сухополь Пружанского р-на Брестской обл.
- ⁵³ Зап. в 2006 г. от А. А. Гарбара, 1964 г. р., в д. Поручин Барановичского р-на Брестской обл.
- ⁵⁴ Зап. в 2007 г. от В. К. Утекалко, 1971 г. р., в г. п. Бакшты Ивьевского р-на Гродненской обл.
- ⁵⁵ Зап. в 2007 г. от С. С. Журневича, 1924 г. р., в д. Олекшицы Берестовицкого р-на Гродненской обл.
- ⁵⁶ Зап. в 2007 г. от М. Г. Ханевич, 1924 г. р., в д. Поречье Гродненского р-на Гродненской обл.
- ⁵⁷ Зап. в 2008 г. от иерея П. Будды, 1958 г. р., в г. п. Домачево Брестского р-на Брестской обл.
- ⁵⁸ Зап. в 2005 г. от А. Я. Матусевич, 1937 г. р., в д. Осаново Молодечненского р-на Минской обл.
- ⁵⁹ Зап. в 2005 г. от Н. Г. Горностая, 1924 г. р., в д. Саковщина Воложинского р-на Минской обл.
- ⁶⁰ Зап. в 2007 г. от ведущего научного сотрудника Института тепло- и массообмена Национальной академии наук Беларуси Н. Н. Гринчика, 1961 г. р., в г. Бытень Ивацевичского р-на Брестской обл.
- ⁶¹ Зап. в 2007 г. от иерея В. Ивашкевича, 1966 г. р., в г. п. Мир Кореличского р-на Гродненской обл.
- ⁶² Зап. в 2006 г. от иерея О. Богданца, 1970 г. р., в д. Стрельно Ивановского р-на Брестской обл.
- ⁶³ Зап. в 2007 г. от И. И. Петруковича, 1934 г. р., в д. Оранчицы Пружанского р-на Брестской обл.
- ⁶⁴ Зап. в 2007 г. от В. В. Корделюка, 1923 г. р., в д. Луково Малоритского р-на Брестской обл.